

рассматривает изображения розеток (солярные знаки), а также монеты персидской провинции Иехуд с изображением Яхве на крылатом диске (ср.: «пришел свет твой»). Изображения показали связь между светом, солнцем, царским величием и также благодаря символическому указанию на солнечное божество в персидской религии — с правосудием и справедливостью. Автор считает, что таким образом мог изображаться и Яхве. Таким образом, пророк объявляет власть Яхве над всем тварным миром с помощью символов, которые использовались как иудейскими, так и персидскими владыками.

В Ис 63. 1–6 Яхве изображается как топчущий виноград (то есть врагов) в «точиле». Текст иллюстрируется изображениями, взятыми из более широкого культурного контекста, египетского и персидского, так как в провинции Иехуд эта традиция была известна очень долго. Необычным для традиционных изображений этого процесса является указание библейского текста на то, что виноградное точило топчет только один (в древневосточном иконографическом материале это обычно группа людей), более того, практически нет изображений божества, совершающего это действие. Топтание винограда в библейском тексте — символ поражения врагов, в иконографии выражает идею о власти, а также о справедливой каре.

Автор показывает, таким образом, что основные богословские идеи 56–66 глав Книги пророка Исаии, позволяющие ученым выделять их в качестве отдельной книги или серии последовательных редакций, могут получить подтверждение на основании иконографического материала Древнего Ближнего Востока. Эти идеи: универсализм, открытость по отношению к другим народам, которые могут стать частью избранного, совершив паломничество к Сиону; справедливое наказание врагов и воздаяние праведникам.

*К. В. Неклюдов
(ЦНЦ ПЭ; МДА)*

Beale G. K. We Become What We Worship. A Biblical Theology of Idolatry. Downers Grove (IL); Nottingham: Inter Varsity Press, 2008. 341 p.

Грегори Бил — одна из крупнейших фигур в современной консервативной североамериканской библеистике. К его трудам следовало бы присмотреться всем тем, кто работает в области библейской науки и преподавания Св. Писания в России и осознает, что возрождение отечественной богословской науки невозможно без контактов с наукой западной. Отличительными чертами Била как исследователя — характеризующими, в известной мере, не только его лично, но и то направление, к которому он принадлежит, — являются безусловное признание богодухновенности Св. Писания, связанное с этим восприятие его как единого целого, пронизанного множеством «взаимно скрепляющих связей» (Еф 4. 16), блестящее знание библейского текста, умение вычленив в Библии

важнейшие сквозные богословские темы и проследить их развитие в различных книгах, ярко выраженный богословско-сотериологический интерес к Писанию, первоклассное знание библейских языков. Первым трудом монографического характера, вышедшим из-под пера Била, было исследование о влиянии книги пророка Даниила на межзаветную иудейскую и раннехристианскую апокалиптическую традицию¹. Из дальнейших его трудов следует отметить монографию об использовании Ветхого Завета в Откровении Иоанна Богослова², масштабный комментарий на Апокалипсис³, комментарии на Послания ап. Павла к Фессалоникийцам⁴, библейско-богословское исследование о феномене и идее Храма⁵. Являющаяся предметом настоящей рецензии книга посвящена теме идолопоклонства в Библии, причем основным ее положением, проходящим через нее красной нитью, оказывается утверждение, что человек уподобляется предмету своего поклонения — или к гибели или во спасение («what you revere you resemble, either for ruin or for restoration» (впервые на с. 11)). Бил сразу признается, что данное положение не является результатом анализа библейского материала, а наоборот, сформулированное априори, оно затем «тестируется» на текстах Св. Писания (с. 32–33).

Книга состоит из предваряемых предисловием одиннадцати глав, за которыми следуют список литературы и обычные для научного издания указатели. Первая глава, именуемая введением, содержит различные определения и описания феномена идолопоклонства, краткий обзор литературы, посвященной теме этого религиозного явления, а также рассуждения методологического характера. Во второй главе внимание исследователя сосредоточено на фрагменте Ис 6. 1–13 (в первую очередь, на ст. 9–13), который, хотя в нем идолопоклонство прямо и не упомянуто, квалифицируется Билом как важнейший по своей значимости библейский текст по исследуемой теме. Его смысл выясняется через сопоставление с другими текстами Исаи (42. 17–20; 43. 8–10; 44. 8–20), Пс 113. 12–16 и рядом других библейских свидетельств. В результате автор делает вывод о том, что в рассматриваемых текстах действительно имеет место представление идолослужителей как безгласных, бесчувственных и бессловесных подобий предметов своего почитания. В третьей главе Бил находит подтверждение своему основному положению в других текстах Ветхого Завета, а именно в ряде мест Второзакония (4. 27–28; 28. 64–65; 29. 4), в эпизоде поклонения золотому тельцу (Исх 32–34) и тех местах других ветхозаветных книг, которые автор квалифицирует как аллюзии на этот эпизод (Пс 105. 20; 3 Цар 12. 28–32; 4 Цар 17. 14–16; Ос 4. 7, 16–17; 8. 4–7; 10. 5, 11; 13. 2–3; Иер 2. 5–13). Значительное место в этой главе занимает анализ эпитета «жестоковыйный», который Бил трактует как указывающий на скотоподобный характер уклонившихся в идолопоклонство. Истоки идолопок-

¹ The Use of Daniel in Jewish apocalyptic literature and in the Revelation of St. John. Lanham, 1984.

² John's use of the Old Testament in Revelation. Sheffield, 1998.

³ The Book of Revelation: A Commentary on the Greek Text (New International Greek Testament Commentary). Grand Rapids, 1999.

⁴ 1–2 Thessalonians (IVP New Testament Commentary Series). Downers Grove, 2003.

⁵ The Temple and the Church's Mission: A Biblical Theology of the Dwelling Place of God. Downers Grove, 2004.

лонства исследователь видит в грехопадении, истории и богословскому осмыслению которого он и посвящает четвертую главу своей книги. Уклонившись от следования воле Божией и прельстившись словами змия «будете, как боги», человек стал идолом для самого себя и уподоблялся этому идолу в смысле закоснения в своей самости. Помимо Быт 1–3 Бил в данной главе рассматривает и осуждение царя Тирского в Иез 28, где очевидны аллюзии на историю грехопадения. В пятой главе рассматривается отражение темы идолопоклонства в межзаветной иудейской традиции. В следующих главах в центре внимания Била оказываются новозаветные книги. В шестой главе предметом рассмотрения являются Евангелия. Здесь в основном речь идет о тех евангельских местах, в которых есть цитаты из Ис 6. Седьмая глава посвящена Деяниям Апостолов, причем сам Бил признается, что в этой книге материала по интересующей его теме мало. В восьмой главе — несомненно, центральной в новозаветной части книги — автор сосредоточивает свое внимание на богословии ап. Павла, особо выделяя такие тексты, как Рим 1. 18–28; 12. 1–2; 1 Кор 10. Наиболее значимым здесь является анализ понятия «общения / приобщения / причастия» (греч. *κοινωνία*; 1 Кор 10. 16–21), которому посвящен отдельный экскурс, и выражений «изменить славу нетленного Бога в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся» (Рим 1. 23) и «сообразоваться с веком сим» (Рим 12. 2). В девятой главе предметом рассмотрения является Апокалипсис, в котором об идолопоклонстве говорится, пожалуй, больше, чем в любой другой новозаветной книге. Десятая глава содержит исследование того, каким образом в Св. Писании описывается обращение от идолопоклонства к истинному богочитанию. Наконец, одиннадцатая, заключительная глава представляет собой приложение основного тезиса книги и библейско-богословских выводов предшествующих глав к современной действительности.

Книга Г. Била обладает рядом достоинств, соответствующих той характеристике ученого, которая была дана в начале рецензии. Тщательнейший анализ библейского текста позволяет ему выявить многочисленные связи между разными пластами Св. Писания и представить свидетельство Библии об идолопоклонстве весьма полно. По ходу исследования он высказывает и отдельные частные богословские соображения, представляющиеся весьма ценными. К числу таковых можно отнести мысль о том, что в тех текстах, где говорится об «изменении / замене славы» Бога на подобие тварного существа (теляца, человека и т. д.; ср. Пс 105. 20; Рим 1. 23), славу Бога следует понимать как «славу, данную Богом», как видимое проявление причастности человека Богу, и, таким образом, речь здесь идет о том, что люди изменяют свою собственную славу: дарованную Богом сообразность с Ним они меняют на сообразность твари, которую они стали почитать вместо Творца. Бил убедительно проводит через всю свою книгу мысль о том, что человек является «отражающим» существом, которое неизбежно отображает в себе либо Бога, либо другой предмет своего почитания, каким бы он ни был, а религиозно нейтральная человеческая автономность здесь невозможна. В целом Билом прекрасно охарактеризован и обоснован свидетельствами Писания как библейский идеал уподобления Богу, так и противоположный ему полюс — падение человека как сатанински внушенное уподобление тварным

«богам». Основной тезис книги, несомненно, должен быть признан соответствующим библейскому откровению.

Однако труд Била обладает и серьезными недостатками, причем они в значительной степени являются обратной стороной его достоинств. Прежде всего следует отметить, что при чтении книги создается впечатление, что у автора нет полной ясности относительно ее предполагаемой читательской аудитории и связанного с этой аудиторией жанра исследования. Сам Бил говорит о том, что в первую очередь он ориентируется на серьезных христианских читателей, не имеющих специальной научной подготовки, но предполагает, что и для ученых его труд может оказаться бесполезным (с. 34). Однако удовлетворить нуждам и тех, и других одновременно не так-то просто, и на взгляд рецензента сделать это Билу в полной мере не удалось. Теоретически можно выделить даже не две, а три категории читателей, к которым мог бы быть обращен рецензируемый труд. Во-первых, это христианские читатели, не имеющие специальной богословской подготовки; во-вторых, близкие Билу по духу христиански ангажированные консервативные богословы; в-третьих, богословы и религиоведы, говоря условно, либерального или же вообще нехристианского направления, для которых учение Библии вовсе не является самоочевидным и безусловно верным. Для первой категории написание строго научного труда не требуется, для второй — оно возможно, но не обязательно ввиду предполагающегося изначального согласия с основным тезисом, обращение к третьей категории делает научный характер исследования обязательным и неизбежным. Если Бил обращался к первым двум читательским категориям, то он явно перегнул палку. Вряд ли способное вызвать несогласие у христианского читателя библейское положение он взялся обосновывать с такой сверхтщательностью, что налицо оказывается эффект «демяновой ухи». Уже к концу третьей главы читатель чувствует себя полностью раздавленным огромным количеством разного рода перекрестных ссылок, выявленных автором внутрибиблейских аллюзий, хитросплетением многочисленных тонких сопоставлений текстов. Вся эта груда материала представляется излишней даже для имеющего научную подготовку богослова, если он согласен с основным тезисом книги. Но ведь Бил, по собственному признанию, рассчитывает в качестве читателей, прежде всего, не на профессиональных богословов, но на широкую публику. Об этом свидетельствует и не лишенный некоторого комизма авторский призыв к рядовому читателю пропускать при первом прочтении подстрочные примечания второй и третьей глав, чтобы не упустить нить авторских рассуждений (с. 12)! Не лучше ли было для такого читателя написать пятидесятистраничное богословское эссе об идолопоклонстве? Если же книга обращена к людям ученым, включая тех, кто не готов безусловно согласиться с ее главной идеей, то, несмотря на весь ее массивный научный аппарат, она оказывается не вполне адекватной требованиям научного жанра ввиду почти полного отсутствия проблематизации основного тезиса, который, будучи сформулирован изначальным, затем лишь подтверждается многочисленными библейскими свидетельствами. Таким образом, налицо явная жанровая, а стало быть и аргументационная неопределенность книги или, во всяком случае, несоответствие цели труда объему мобилизованных для ее решения средств. Второе замечание

в адрес Г. Била, тесно связанное с первым, заключается в том, что он так увлекается своей идеей, что пытается привязать к ней немало библейских текстов, связь которых с ней вовсе не очевидна. Следует далее отметить, что новозаветная часть книги написана явно слабее ветхозаветной. Это и понятно — сам Бил признается, что в Новом Завете проблема идолопоклонства не занимает столь значительного места, как в Ветхом. Неудивительно поэтому, что в новозаветной части во многих местах мы сталкиваемся с разного рода общими богословскими рассуждениями, не имеющими непосредственного отношения даже к теме идолопоклонства в целом, не говоря уже о более специфически сформулированном основном тезисе книги. Частным проявлением данного недостатка является смещение акцента с понятия уподобления на понятие общения. Эти понятия конечно же близки и взаимосвязаны, но все же не являются синонимами. Таким образом, автор в известной мере уходит в сторону от основной темы своей книги. Особо следует сказать о последней главе рецензируемого труда. Здесь автор, концентрируя свое внимание на жизни американских протестантов, высказывает много справедливых суждений о жизни современных христиан, говорит о проникновении чисто мирских идеалов в церковную среду, справедливо указывает на многие отрицательные явления, которые могут быть охарактеризованы как идолопоклонство. Однако публицистика не является коньком Била, его словам явно не хватает требующейся остроты, и поэтому трудно себе представить, чтобы он задел здесь кого-то за живое. В конце книги автор допускает один досадный срыв. Будучи сосредоточен на знакомых ему проблемах протестантских церквей, он неожиданно решается на более широкие обобщения, и, говоря о недопустимости почитания твари вместо Творца, в качестве предметов недолжного религиозного почитания называет иконы, святых, элементы Евхаристии (elements of the Eucharist), крест и Библию (с. 311; это последняя страница книги перед списком литературы!). Увы, становится очевидным, что Бил либо совершенно не знаком с православным богословием иконопочитания — или, беря шире, почитания святых вообще, — либо сознательно игнорирует его. Во всяком случае, понятие почитания / поклонения («worship») употребляется им на последних страницах его книги с непозволительной для богослова эпохи после прп. Иоанна Дамаскина степенью простодушия. Ввиду этого, последние впечатления от прочтения данной книги оказываются безрадостными.

Высказанная выше критика не должна бросать тень на труды Г. Била в целом. Они, как уже было отмечено в начале рецензии, заслуживают самого серьезного изучения, а, например, его комментарий на Апокалипсис, вне всякого сомнения, должен быть настольной книгой всякого современного исследователя Откровения Иоанна Богослова. Но являющуюся предметом настоящей рецензии книгу никак нельзя отнести к лучшим трудам американского ученого. Остается надеяться, что в дальнейшем Бил вернется на стези строгой науки и представит на суд читателей новые исследования самого высокого уровня.

*А. С. Небольсин
(ПСТГУ)*